

в том же письме: «Вы умеете мои дела передеживать, а сами, будучи философом Руссовой секты, за полушку давитесь».²⁰

Независимо от того, в какой мере справедлива эта злая характеристика, ей нельзя отказать в образной силе: последователь Руссо, «философ Руссовой секты», с «дурной и пронырливой душой», который «за полушку давится»...

При этом необходимо обратить внимание, что обвинение в приверженности к «Руссовой секте» исходит не от какого-нибудь невежественного захоластного обывателя. Оно принадлежит человеку, в сфере своей деятельности выдающемуся. Иван Андреевич Полетика (1722—1783) — врач, закончивший свое медицинское образование за границей, и первый из наших соотечественников, удостоенный звания профессора иностранного университета.

Дошедшие до нас письма Г. А. Полетики значительно дополняют и его облик как книголюба. Мы постоянно встречаем в них просьбы разыскать, закупить, выслать те или иные книги, организовать переписку редких изданий. При этом его интересует все, что говорится о начале и учреждении козаков и о всем, что до них касается.²¹ Такие просьбы обращает он к Георгию Конисскому; ²² постоянно дает «книжные» поручения сыну,²³ благодарит своего венского корреспондента за розыски книг.

Если не считать закупаемых при случае учебников для своих детей, Г. А. Полетика ни разу не упоминает книг, тематика которых не была бы связана с предметом его изысканий — историей Украины, вернее, историей украинских шляхетных родов, доказать права которых на дворянство он ставил своей первой задачей.

Незаурядные способности, разносторонняя эрудиция, хорошая осведомленность в новейших умственных устремлениях эпохи, огромная энергия, позволившая Г. А. Полетике дважды в жизни собрать большие книжные богатства, и в конечном итоге — использовать все это для сутяжнических судебных процессов и сомнительных генеалогических изысканий... Таков портрет украинского книжного собирателя Григория Полетики, петербургского литератора, автора компилятивных трудов и переводчика, депутата Комиссии по составлению Нового уложения, роменского помещика. Он позволяет судить, в какой мере сложными, избыточными контрастами и противоречиями, были в XVIII столетии и формы русско-украинских культурных взаимодействий, и пути усвоения передовых просветительских идей.

²⁰ Там же, 1894, № 10, стр. 111—112. — Разрядка моя, — И. К.

²¹ Там же, 1893, № 5, стр. 227.

²² Там же, 1895, № 5, стр. 239; № 6, стр. 363.

²³ Там же, 1893, № 6, стр. 499—500.